

КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ «МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» ДМИТРИЯ ВЕНЕВИТИНОВА В ГАРМОНИЧНОМ ЕДИНСТВЕ МАТЕМАТИКИ, ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ

В.А. Еровенко

д.ф.-м.н., профессор, e-mail: erovenko23@mail.ru

Минск, Беларусь

Аннотация. Статья посвящена когнитивному анализу творчества русского поэта романтического направления, переводчика, прозаика и философа, интересовавшегося математикой, Дмитрия Владимировича Веневитинова. Сегодня критически мыслящие люди задумываются о переводе философских рассуждений о социокультурном единстве математики и словесности в практическую плоскость. Особенностью поэтического, прозаического и публицистического наследия Веневитинова является глубокое философское содержание в прямом значении этого слова, и хотя у него не было прямых последователей, его духовное влияние неувлимо ощущается.

Ключевые слова: когнитивный анализ, математика, философия, поэзия, гармоничное единство.

Математика обладает социальной реальностью в том смысле, что она неизбежно является дискурсом в социально ориентированном сообществе, даже если он может показаться всё же «минимальным уровнем» понимания реальности и не имеет убедительного объективного обоснования. Математика включает в себя чувственно-практический компонент, имеющий социальный и исторический характер, который обусловлен практической деятельностью в развитии компьютерных технологий как нового социально гармоничного явления. В рефлексивном контексте гармоничного единства математики, философии и поэзии нельзя не обратить внимание на одну из самых привлекательных фигур «золотого века» русской поэзии Дмитрия Владимировича Веневитинова (1805–1827), который приходился четвероюродным братом А.С. Пушкину и был знаком с ним с детства. Если Пушкин создал литературную форму для адекватного языка русской самобытности, то Веневитинов наполнил ее философским содержанием. Хотя Веневитинов обогатил литературу немногими поэтическими произведениями, отличительной чертой его поэзии является гармония ума и чувства без «чопорной изысканности» в мыслях и «вычурной витиеватости выражений» в стихах. Стиль Веневитинова отличался от броской, замысловатой и размашистой манеры других авторов, предпочитая отсутствию эффектов «изящество простоты» и воплощение затаенной «силы мысли», ассоциируемой с созданием чувственного переживания. В этом проявляется общность математического

и художественного, в том числе поэтического творчества. Одна из причин такого гармоничного единства состоит в том, что, подобно поэту, математик мыслит раскованно, он свободен в своих умопостигаемых построениях и выходит из сферы чисто умственных построений, несмотря на строгость науки и методологические ограничения.

В статье обосновывается тезис о том, что единство теоретической деятельности математического ума и чувственно-предметной деятельности с помощью художественных инструментов социализирует и конституирует научное исследование. Несмотря на различие творческих процессов в сферах математической и художественной деятельности, наиболее ярким примером творчества является поэзия, поскольку в акте выражения мысли в слове практически отсутствует, в отличие от математики и философии, довольно продолжительный период словесной реализации этой мысли по сравнению с когнитивно-математическим переосмыслением абстрактной мысли для новой теории. В творчестве Веневитинова важно было и другое, а именно: форма, стиль и логика его изложения, например «Писем к графине NN», в которых он обращался не только к своей собеседнице, но через неё и к своей публике. Ю.В. Манн точно отмечает в рефлексивном анализе проблемы философской эстетики: «Логика его "писем" математически выверенная; мысль столь осязаема, что хочется потрогать её руками; изложение сложнейших вопросов философии ведётся с кристальной ясностью. И это в то время, когда, как констатировал Пушкин, "метафизического языка" у нас ещё не было, "учённость, политика и философия ещё по-русски не изъяснялись"» [1, с. 21]. Подведя итог вышесказанному, следует заметить, что могущество и красота математической мысли – в предельной чёткости её логики, изяществе её конструкций, искусном построении абстракций. И вместе с тем математические высказывания – определения, теоремы, формулы – когнитивно-метафорически сопоставимы с философской поэзией по силе духовного воздействия на воображение, а также по целенаправленной плотности логически выверенного языка.

Математики тоже по-своему ценят поэтическое слово. В «Разговоре о Данте» Осип Мандельштам образно поясняет, как создаётся смысл поэтической речи. Это похоже на пробежку через всю ширину реки, загромождённой подвижными джонками. Понять, почему так перепрыгивали с джонки на джонку, пусть даже мысленно, не физически, а тем более восстановить этот процесс с помощью опроса лодочников, невозможно. Но именно такие «логические скачки» необходимы для научных открытий. Например, философ Иммануил Кант, называя математику «чистым сочинительством», тем самым практически предполагал, что субъективно её можно объединить с философией и словесностью, так как с помощью их языков и присущего познанию когнитивного сомнения познаётся действительность. Но сам Кант также утверждал: «Язык является центральным пунктом расхождения разума с самим собой». Для Дмитрия Веневитинова приоритетной творческой целью стало познание феномена жизни на основе единства всех областей знания, хотя в его произведениях явно господствует глубокое чувство, поскольку даже порывы «неожиданности души», когда он искал ответы на философски неразрешимые загадки жизни, стремился удержать в себе. Поэтому поэтические произведения и ранние философские работы Веневитинова пронизывает интересная мысль о том, что «поэ-

зия неразлучна с философией». В противовес философу-идеалисту Иоганну Фихте, утверждавшему, что «философствовать – значит не действовать», в стихотворении «Я чувствую, во мне горит...» он призывал к действию и служению народу:

Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук её призывной –
Отзывной песнью отвечай.

Сейчас не вызывает удивления обращение к чувственным понятиям, когда мы говорим о таких строгих когнитивных вещах, как математические рассуждения, в условиях неопределённости умственных усилий, которые обусловлены взаимодействием математики, философии и культуры. Как говорил Иммануил Кант, *«рассудок хочет поучать, а чувственность – оживлять»*. Как поэзия дарит человеку красоту чувственного восприятия природы, так и математика щедро дарит ему сущность эстетического понимания «Книги природы». В лучших проявлениях поэзия заботится о строе чувств, мыслей и высоте устремлений, но даже если мы понимаем высказывания, сделанные на каком-то языке, то, в отличие от математики, реально «не понимаем, как мы их понимаем». Философы даже говорят о математических образах как о присущем исключительно математике способе познания мира. Во всяком случае, несомненно, что *математика в самом деле поэзия, поэзия мысли, «поэзия логики идей»*. Поэзия и математика приходят к гармоничному единству, когда надо отразить красоту природы с помощью согласованности мышления. Заметим, что источником поэтического вдохновения Дмитрий Веневитинов считал природу. Из всех молодых поэтов пушкинского периода он воспринимал природу не холодным умом, а «пламенно сочувствуя, проникал в её святилище». В элегии «Поэт и друг» он высказал смелую идею о духовной потребности диалога с природой:

Природа не для всех очей
Покров свой тайный подымает:
Мы все равно читаем в ней,
Но кто, читая, понимает?

Философы античности называли себя любителями мудрости, что предполагало *правильно мыслить, правильно поступать и говорить – это «триединство мудрости»*, что собственно составляло стиль их жизни. Например, пифагорейцы новаторски развили мистические взгляды на математическую гармонию и античное понимание единства человеческой натуры и физического мира, отчасти основанном на открытии, что «гармония нот струнного инструмента» связана с простыми математическими закономерностями. Не случайно математика и музыка отождествлялись в умах античных мыслителей. Если между наукой и искусством имеются параллели, как между математикой письменной и устной, то увлечённость объединяет эти виды интеллектуальной деятельности, воплощая то, что воспринимается непосредственно, и то, что воображается и домысливается в словах. «Каждое слово, которое мы произносим, имеет определённый смысл, диктующий нам, как это

слово использовать. Чем обычнее слово, тем больше ассоциаций связано с ним, и тем глубже укоренилось в нас его значение. Таким образом, когда кто-то пытается дать определение какому-либо употребительному слову, в надежде на то, что все мы с этим определением согласимся, обычно происходит следующее: вместо того, чтобы принять данное нам определение, мы, по большей части бессознательно, предпочитаем руководствоваться ассоциациями, хранящимися на "складе" нашего мозга» [2, с. 88]. Многое в жизни, в науке и в искусстве зависит от эпистемологических последствий нейтрального слова, которое стоит на «дисциплинарной границе высказываемого», когнитивно-рефлексивно и даже методически настойчиво отвоёвывающая часть «территории невысказанного».

Только очень хорошие поэты и писатели могут достаточно точно выражать свои внутренние образы в словах. В своей Нобелевской лекции Иосиф Бродский сказал, что «поэт есть средство существования языка». Для математики характерна дедуктивная аргументация, что отличает её от объединяющего поэзию и философию отношения к истине, стремящихся в своих проявлениях создать иллюзорный мир. При этом не стоит забывать, что логические рассуждения, убедительная аргументация и строгие доказательства осуществляются при помощи языка. Одной из причин «математической глухоты» является плохое понимание такого феномена, как «язык математики», но ещё печальнее, когда вспышка редкого поэтического дарования оборачивается «поэтической глухотой». Известное изречение, что «математика – это язык», указывает лишь на то, что язык – это способ передачи форм мышления. Хотя язык не остаётся неизменным, ведь словесности свойственна недедуктивная аргументация. Если стихи выводят за пределы повседневного бытового понимания, то такую поэзию невозможно осмыслить с помощью текстологического или структурного анализа, поскольку в логически ясных терминах необъяснимо «стихотворное чудо», возникающее из «неизреченной музыки слов» на трудно уловимых когнитивных гранях логического, чувственного и эстетического даже в благоприобретённом «чутье контекста». Эта фраза требует уточнения, так как в ней метафорически предполагается, что восприятие музыки слов и напряжённая работа математической мысли в чём-то схожи, подобно фантомному филармоническому моменту, в котором «фоновый стук» смычка о скрипку не мешает ценителям наслаждаться мелодией целиком.

В философии поэзии главный объект – жизнь человеческого духа, а не «застывшие продукты», как «творческое самооправдание», в котором поэтическое творчество – это соотношение действительности с потенциальным бытием. Хотя у математики и литературы разные интересы, математика ревностно соблюдает избавление от «синтаксической громоздкости утверждений». Мастерство поэта при свете вдохновения можно определить ещё как развитие «духовного зрения», при восхищении «духовным пространством поэзии». Любой содержательный литературный текст находится в окружении духовной атмосферы, называемой культурным контекстом, поэтому настоящую литературу как «полезное снадобье для сердца или ума», по словам непревзойдённого стилиста, писателя Владимира Набокова, не стоит глотать залпом: «Литературу нужно принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолот, – тогда вы почувствуете её сладостное благоухание в глубине ладоней; её нужно разгрызать, с наслаждением перекачивая языком во рту, – тогда

и только тогда вы оцените по достоинству её редкостный аромат и раздробленные, размельчённые частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешивали чуточку собственной крови» [3, с. 175]. *«Тут комментировать – только портить».*

Литературу и стихотворения можно образно рассматривать как математические формулы, т. е. в некоторых случаях можно смело сравнивать поэзию с математикой, а фактически можно рассматривать стихотворения как словесные конструкции, построенные согласно закономерностям математической лингвистики. Известный американский писатель Эдгар По сказал: *«Поэт тем талантливее, чем более математичен его дар»*, – имея в виду, что истинный поэт должен обладать такими «математическими» качествами, как точность восприятия и выражения своих мыслей. С другой стороны, выдающийся немецкий математик Карл Вейерштрасс тоже заявил, что *«нельзя быть математиком, не будучи немного поэтом»*. Для более убедительного раскрытия обсуждаемой темы на примере близости конкретных видов научной и художественной деятельности возьмём для этой цели математику и поэзию, поскольку человеческая мысль в ней выражается в эстетике словесной формы. Так, с точки зрения «поэтического чутья», Веневитинов рассматривает слова и рифмы в стихах, а также их комбинации в строках стихотворений как лингвистические композиции поэтических образов и фонетических созвучий, когда поэтическая рифма возвращает в сознание «потайное значение части слова», что регулярно повторяется и организовано в стихотворной речи согласно законам математической гармонии. Для философов и поэтов гармония – это неопределённый вид взаимодействия бесконечного и неисчерпаемого в своих эстетических проявлениях, которое человеческий разум пытается познать и парадоксальным образом объяснить так: *«гармония есть соединение разнородного и согласие несогласованного»*.

Особое внимание Веневитинов уделял математике, представляющей, по его мнению, *«самый блестящий, самый совершенный плод на древе человеческих познаний»*. С точки зрения критического анализа особый когнитивный интерес представляет перевод Дмитрием Веневитиновым части статьи немецкого философа Иоганна Вагнера «О математической философии», в которой рассматривается связь математики и философии, считая, что математика «есть язык идей, язык ума». Язык математики – явление неоднородное, поскольку, в отличие от естественных языков, он не имеет алфавита в строгом смысле этого слова. Поэтому «язык математики», по видимому, следует признать понятием ещё более трудно определяемым, чем понятие «поэтический язык». Даже для обозначения новых научных понятий для пополнения словаря языка математики часто используются «простые слова» естественного языка. Хотя перевод статьи «О математической философии» не оригинальное произведение Веневитинова, процитируем часть его примечаний, в которых отражено его понимание роли математики в познании: «Конечно, математика есть самая точная, самая свободная наука форм, ибо она никогда не вступает в сферу другой какой-либо науки, но служит, напротив того, необходимым условием для всех прочих наук. Она изобретает свои предметы, свои средства. В природе видимой нет точки, нет линии, нет треугольников, они существуют только в идее математики. Отымите у математики всё, что её окружает, и она будет существовать отдельно от всего,

сама по себе: но это доказывает только то, что и организм мира имеет все атрибуты целого, единого, бесконечного» [4, с. 236]. В этой цитате «сквозит мысль», что философские мысли о математике и душевном мире знакомы современникам автора, в отличие от современных читателей. В стихотворении «Утешение» Веневитинов явно выразил философский замысел душевной сущности поэта:

Нет! – что в душевной глубине,
Того не унесёт могила:
Оно останется по мне.

Несмотря на разброс профессиональных мнений на соотношение двух выдающихся феноменов человеческой культуры – математики и философии, – их мировоззренческое взаимодействие состоит в том, чтобы выявлять и описывать способы понимания сути философии и математики, не упрощая проблему познания. Когда философия обращалась к математике, она выходила на когнитивно-познавательный путь и ни с чем не сравнимое рефлексивно-творческое созерцание на этой стезе. Сравнивая математику с философией в контексте условий познания мира, Веневитинов в примечаниях к статье «О математической философии» делает вывод о том, что математика – необходимое условие для всех наук, но независимо от математики как познания существует «наука первого познания», или философия. В рефлексивной попытке «не совмещать несовместимое» математика важна для философского языка, несмотря на его «неустранимую неопределённость». Так на чём основана взаимосвязь математики, музыки и словесности? В языковых структурах есть логика, присущая строгим математическим рассуждениям, а в музыкальной структуре стиха есть заимствования из гармонии музыки. Поэзию в чистом виде трудно переводить на другие языки без потери эстетического удовольствия от «музыки речи», особенно когда исчезает эта музыка как особый компонент звучания поэзии. Как сказала Марина Цветаева: *«Стих только тогда убедителен, когда проверен математической (или музыкальной, что тоже) формулой»*.

Заметим, что занятия математикой и поэзией объединяют профессиональные знания в области метрики, рифмовки, строфики и поиска красоты. Для сопоставления философии и поэзии тоже есть веские интеллектуальные основания. Например, своеобразным итоговым высказыванием Дмитрия Веневитинова о философском содержании поэзии являются его убедительно точные слова: *«Первое достоинство всякого художника есть сила мысли, сила чувств»*. Веневитинов проявил себя как поэт, переводчик, художник и композитор. Именно музыка в своей захватывающей истории часто становилась доминирующей формой искусства, ярко отражённой ради специфического восприятия в недостоверной поэтической версии «гения и злодейства» маленькой трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». Она стала большой трагедией для самого Сальери, который не скрывал профессиональных умений и музыкального ремесла в работе [5]. Эффект любого драматургического произведения зависит от способа и последовательности подачи событий, вызывающих адекватные человеческие эмоции. Накал страстей в отношениях Моцарта и Сальери не позволяет свести «идею единства алгебры и гармонии» к пресному варианту противостояния «двух культур», хотя для их взаимного непонимания имеются

вполне объективные предпосылки. В этом проявляется противоречивость образа Сальери и двойственное отношение к нему Пушкина, ведь упорный труд и ремесло не убивают полёт мысли Сальери, который являлся основанием его музыкально-творческого вдохновения.

Пушкину математика не давалась с детства, но есть важное признание пушкинского Сальери: «*Поверил Я алгеброй гармонию*». У писателей пушкинского периода существовала определённая мода на математику, выражающая желание «в просвещении стать с веком наравне». Любопытно, что Пушкин, не любивший математику, в первом номере издававшегося им журнала «Современник» напечатал статью «Разбор Парижского математического ежегодника», а в третьем номере – познавательную статью по теории вероятностей того же автора. Так что такое алгебра для Сальери? Можно ли однозначно утверждать, что это область математики, научный метод или нестандартный подход? На такие вопросы, как: почему гармония подвержена «проверке математикой»? – не может быть ни короткого, ни развёрнутого ответа. Когда говорят о «проверке алгеброй гармонии», то речь, прежде всего, идёт о применении количественных методов к тонкой материи искусства, ведь в поэзии реально востребована алгебра слогаисчисления и комбинаторика рифм. Для математики, философии и поэзии характерно то, что они творятся посредством языка, выходящего из сумрачного «царства умозрительной тени». Язык поэтических текстов организован ритмически, а за ритмами стоит математика, поэтому «проверка алгеброй гармонии» – хоть дело необычайно трудное, но необходимое для научного анализа творческого процесса. Творческая свобода Пушкина соответствовала его жизни, хотя пушкинский Моцарт очень эмоционально драматизировал чувственную силу гармонии:

Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать: никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни...

Но не следует рефлексивный анализ художественного произведения путать с раскрытием его когнитивного смысла, подобно тому, как с помощью подробного лингвистического анализа математической статьи нельзя оценить правильность приведённой в ней аргументации и тем более содержание работы. При понимании поэтического мышления как проявления человеческого восприятия творческое вдохновение есть признак благосклонности музы к человеку, способному его испытать. Но когда же и при каких условиях наступает столь «когнитивно благостный» для работающих математиков миг? Он наступает лишь в том случае, когда плодотворной работе предшествует и за ней следует сознательная работа. «То, что математика и словесность оказались самыми критическими направлениями, и то, что именно по ним разработаны специальные государственные программы, подчёркивает исключительную важность внимания к ним и их интуитивно ощущаемое единство. Осталось сказать об этом вслух, осознать то, что они образуют единое целое, входят во все без исключения другие области деятельности человека, и действовать

в образовании в соответствии с этим» [6, с. 128]. Но, говоря о гармоничном единстве, иногда забывают о специфически когнитивном сегменте, когда путают возможные уровни вопрошания, а именно: абстрактный уровень математики, уровень вечных вопросов философии, наконец, поэтически-образный уровень, связанный с наблюдением над явными или неявными вещами, – от смешения которых возникают проблемно ориентированные вопросы. Ещё традиционно считается, что «математика ум в порядок приводит», но при этом справедливо упомянуть также то, что и «математику ум в порядок приводит». Философическая поэзия как особое поэтизирование с метафоричностью её языка, без которого поэзия невозможна, заимствует у поэзии Веневитинова особую возвышенность слога, избегая «невнятной смазанности» разговорной речи.

Неформальной философской идеей единства математики, философии и поэзии в «социальном пространстве» является убеждение в необходимости сближения разных культур, хотя они различают творческие и когнитивные процессы субъектных сфер. Несмотря на расплывчатость определения понятия «творческий процесс», с точки зрения философской идеи «борьбы противоположностей», можно выделить такие уровни человеческого взаимодействия разума, как креативность и рациональность. Мы не всегда руководствуемся рациональными доводами при принятии решений, так как даже сам процесс творчества по сути иррационален и его закономерности трудно поддаются выявлению. Иррациональная интуиция, как божественный дар «чудной мерной речи», дана лишь избранным. Пушкин, продолжая стихотворение «Осень», откровенно сказал: «Минута – и стихи свободно потекут». Когнитивный анализ строк Пушкина из «Моцарта и Сальери» показывает, что «алгебра» и «гармония» взаимно «поверяют» друг друга, ведь математика тоже специфический «вид искусства». Заметим, что небольшая философско-аллегорическая статья Дмитрия Веневитинова «Скульптура, живопись и музыка» образно представляет собой критический анализ указанных искусств, среди которых живописи и музыке он сам был не чужд. В послании «К любителю музыки» он вдохновенно сказал:

Когда б ты знал, что эти звуки,
Когда бы тайный их язык
Ты чувством пламенным проник, –
Поверь, уста твои и руки
Сковались бы, как в час святой,
Благоговейной тишиной.

Математика в результате проявлений мировой гармонии свободнее в выразительных средствах, чем более зависимые от эстетических притязаний живопись, поэзия и музыка. В философской статье «О состоянии просвещения в России» Веневитинов рассуждает о творчестве: «Художник одушевляет холст и мрамор для того только, чтоб осуществить своё чувство, чтоб убедиться в его силе; поэт искусственным образом переносит себя в борьбу с природою, с судьбою, чтоб в сем противоречии испытать дух свой и гордо провозгласить торжество ума. История убеждает нас, что сия цель человека есть цель всего человечества; а любомудрие ясно открывает в ней закон всей природы» [7, с. 28]. Хороший пример взаимодействия

науки и искусства представляет знаменитая картина Винсента Ван Гога «Звёздная ночь», в которой он интуитивно и как-то удивительно художественно точно отразил хаотичную турбулентность закрученных облаков и сияющих звёзд. Если принять во внимание онтологическую общность математики, философии и искусства в описании природы, то можно отметить определённое сходство математических и художественных конструкций с природными феноменами. В пространном стихотворении «Друг» Дмитрий Веневитинов доверительно и социально мудро сказал:

Не так природы строг завет.
Не презирай её дарами:
Она на радость юных лет
Даёт надежды нам с мечтами.

Для математики, предпочитающей точность и строгость доказательства, привлекательность поэтического языка создаёт когнитивные проблемы рационально необосновываемого, противостоящего логическому методу познания. Если мы рассмотрим имеющуюся данность как «наивную идеологию», а не как строгую теорию, направленную на объяснение реальной математической практики, то выяснится, что творческая жизнь всегда преподносит какие-то сюрпризы, поскольку даже математика есть неизбежный социальный дискурс. В частности, результаты, полученные с помощью компьютерных технологий, отражают социо научный характер актуальной проблемы понимания развития математики. Ведь каждый отдельный акт творчества в математике – это квинтэссенция события, которое само по себе не механично, поскольку предполагает неявную обусловленность социальными обстоятельствами, например развитием компьютерной техники, если есть основания полагать, что работа мозга не столь совершенна, как принято считать.

В заключение обратим внимание на социально-коммуникативный аспект изучения математики. Точность и лаконичность её языка не может не влиять на культуру общения и поведения людей, даже не мыслящих на нём. Метаморфозу такого рода лингвистического феномена иногда называют «эффект Пигмалиона». Как сказала Элиза Дулитл, героиня пьесы Бернарда Шоу, о языке своей прежней жизни: «Теперь я уже не могу издавать такие звуки, как раньше, даже если бы захотела!» Определённая трудность связана с тем, что сущность языка математики проявляется в предоставлении возможности для максимальной обоснованности, имеющей в целом «потенциальный характер». Поэтому, несмотря на все педагогические ухищрения по развитию логической культуры с помощью изучения математики, многие мыслят на уровне житейской логики героини «Пигмалиона»: «Кто шляпку стибрил, тот и тетку пришил». Неудивительно, что образно-математическая и логически правильная художественная речь обретает смысл через поступки, даже когда творческая жизнь «проходит по разочарованиям». Главной соционаучной функцией философии общего математического образования, в котором рефлексивная идея раскрывается через корневое слово «образ», является педагогическая, связанная с развитием личности. Не случайно для образного мышления необходима внутренняя мотивация, которая присуща «магии поэтического слова» Веневитинова.

Подводя итог, можно сказать, что мы плохо помним своё далёкое интеллектуально насыщенное светлое прошлое. Молодость философа-поэта Дмитрия Владимировича Веневитинова, которому в день смерти не было и 22 лет, говорит о его словесной одарённости, восприимчивой духовно-нравственной культуре и нереализованном философском потенциале. Ему даже предрекали славу выше самого Пушкина. В «Элегии» Александр Сергеевич Пушкин проникновенно написал:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

А так ли было необходимо творчески одарённому человеку страдать, если его душа не болит? Но у Дмитрия Веневитинова – этого гениального поэта с редким поэтическим дарованием – стихотворение «Поэт» оказалось по сути пророческим, предвидя его раннюю и преждевременную кончину:

Душа сказала мне давно:
Ты в мире молнией промчишься!
Тебе всё чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься.

Литература

1. Манн Ю.В. Д.В. Веневитинов и начало русской философской эстетики // Русская философская эстетика. М.: Изд-во Моск. ассоц. лингвистов практиков, 1998. С. 9–49.
2. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Бахрах-М, 2001. 752 с.
3. Набоков В. Лекции о русской литературе. СПб.: Азбука-классика, 2010. 448 с.
4. Веневитинов Д.В. О математической философии (ответ И.И. Вагнера г-ну Б.Х. Блише) // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М.: Наука. 1980. С. 235–240.
5. Еровенко-Риттер В. «В полярности имён мы ищем вдохновенье»: «Моцарт и Сальери» как философическое Евангелие от Пушкина // Всемирная литература. 2006. № 6. С. 169–186.
6. Куртунов В.Н. Словесность и математика. Необходимо восстановление былого единства // Вестник Тюменского государственного университета. Педагогика. Психология. 2014. № 9. С. 124–135.
7. Варава В.В. Рождение философии из духа Просвещения: опыт Дмитрия Веневитинова // Дмитрий Веневитинов. Личность и творчество в контексте русской культуры XIX–XX вв. Воронеж: ВГПУ. 2012. С. 18–31.

**COGNITIVE ANALYSIS OF "MATHEMATICAL PHILOSOPHY" BY DMITRY
VENEVITINOV IN HARMONIOUS UNITY OF MATHEMATICS, POETRY
AND PHILOSOPHY**

V.A. Erovenko

Dr.Sc. (Phys.-Math.), Professor, e-mail: erovenko23@mail.ru

Minsk, Belarus

Abstract. The article is devoted to a cognitive analysis of the work of the Russian poet of the romantic direction, translator, prose writer and philosopher who was interested in mathematics, Dmitry Vladimirovich Venevitinov. Today, critically thinking people are thinking about translating philosophical reasoning about the sociocultural unity of mathematics and literature into a practical plane. A feature of Venevitinov's poetic, prose and journalistic heritage is a deep philosophical content in the direct meaning of the word and although he had no direct followers, his spiritual influence is subtly felt.

Keywords: cognitive analysis, mathematics, philosophy, poetry, harmonious unity.

Дата поступления в редакцию: 27.10.2024